

Г. Ю. Канарш¹

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одним из наиболее важных следствий глобализации, как известно, стало акцентирование национального своеобразия, социокультурной специфики. В общественном мнении, как и в научных исследованиях, все более заметны отход от принципов универсализма, подчеркивание приоритета ценностей национальной культуры перед универсальными «общечеловеческими» ценностями². В то же время в отечественной науке сохраняется противоречивая ситуация: в ней по-прежнему достаточно сильна тенденция к осмыслению российского социокультурного опыта, в том числе особенностей экономики, политики, в терминах концепции *догоняющего развития*, когда Запад — прежде всего США — выступает своего рода культурным образцом, а Россия — напротив, «образцом» социального недоразвития. Закономерным образом делается вывод о безальтернативности движения по пути западной цивилизации, равно как и исчерпанности исторического потенциала социокультурного традиционализма (включая и традиции советского коллективизма)³. В отношении экономики речь идет о западной индивидуалистической рыночной (капиталистической) модели как *единственно приемлемой*.

Учитывая как новейшие тенденции в мировом социально-экономическом развитии (экономический подъем ряда незападных стран в последней трети XX — начале XXI в.), так и изменения в самой теории модернизации (переход от концепции *догоняющего развития* к теории *национальной модели модернизации*; термин В. Г. Федотовой), данный подход представляется в целом неадекватным задачам сегодняшнего развития. Гораздо большим потенциалом, на наш взгляд, обладают концепции, определяющие роль социокультурной специфики, но не в негативном, а в *позитивном* ключе — например, концепция русского мира или даже — при некоторой ее спорности — концепция особой самобытной российской цивилизации. При этом нужно особо подчеркнуть: речь идет не о том, чтобы говорить только о хорошем и не замечать плохого в российской социальной истории. Скорее, более адекватной представляется выработка сбалансирован-

ного взгляда на особенности российского социокультурного развития, в полной мере учитывающего как наши «слабости», так и наши достижения.

В исследованиях, идущих в русле второго из обозначенных нами подходов, встречаются уже иные оценки и акценты, касающиеся, в частности, специфики хозяйственного уклада и трудовой деятельности в России. Так, в работах историка А. В. Павловской подчеркивается, что идея о том, что «дух предпринимательства» в принципе чужд русской натуре, — не более чем миф. Более того, как отмечает Павловская, «любое крестьянское хозяйство в своей основе было предпринимательской деятельностью»⁴. Понятно, что характер этого предпринимательства был существенно иным, чем характер предпринимательства на Западе — как и в целом отношение в России к деньгам и богатству⁵, — однако такой подход, на наш взгляд, задает совершенно иную перспективу в оценке исторического прошлого (а значит, и будущего) России.

Если говорить о перспективах современной российской экономики, то здесь значительный интерес представляет *динамика ценностных приоритетов* россиян, выявляемая, в частности, в рамках количественных этносоциальных исследований. Так, если по результатам исследований 1990-х годов можно было говорить о том, что Россия, хотя и обладает несомненно рыночным потенциалом, относится все же к культурам коллективистского типа и из существующих хозяйственных типов (англосаксонский протестантский, протестантско-католический европейский и конфуцианский) ближе всего к конфуцианскому⁶, то по аналогичным данным 2010 года нашу страну уже нельзя однозначно отнести к таковым, и на «ментальной карте мира» она оказывается уже на периферии западной цивилизации и из всех стран ближе всего к Израилю⁷. Последний факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Россия по-прежнему остается обществом переходного типа, тяготеющим к Западу (и успевшим усвоить многое из западных ценностей), но сохраняющим (как и Израиль) в своей культурной основе *мощный традиционалистский пласт*.

Впрочем, последний момент в свете кардинальных изменений в социальной реальности и методологии изучения модернизаций не представляется чем-то отрицательным. Напротив, наличие в национальном характере и менталитете сильной традиционалистской составляющей позволяет говорить о возможно-

¹ Старший научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН, кандидат политических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация», «Роль этнокультурного фактора в истории модернизации (На примере России)», «Национально-психологические предпосылки модернизации», «Национальный характер и перспективы российского развития», «Прошлое и будущее национальной идеи в России», «Время свободы. Социально-нравственные последствия для России» и др. Член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги.

² См.: Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. Разд. 14: Приемлем ли для России западный путь модернизации? С. 298–318.

³ См., например: *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011; *Супоницкая И. М.* Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОССПЭН, 2010; и др.

⁴ *Павловская А. В.* Русский мир: характер, быт и нравы : в 2 т. М.: Слово, 2009. Т. 2. С. 270.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) : в 3 ч. / под ред. Р. И. Нуреева. 2-е изд., испр. и доп. М.: МОНФ, 2003. Ч. 1. Гл. 2: Особенности российской экономической ментальности. С. 179.

⁷ По ряду количественных показателей, предложенных голландским исследователем Г. Хофстедом. См.: Готово ли российское общество к модернизации? Разд. 13: Модернизация и характеристики российской национальной ментальности. С. 290.

сти дополнить новые «модернистские» тренды в экономике ценностями и хозяйственными механизмами, характерными для *традиционной (и советской) России*. Авторитетные авторы пишут сегодня о необходимости новой индустриализации России (реиндустриализации), понятой, однако, не просто как возрождение промышленного комплекса наподобие советского, но как формирование новых *производящих индустрий*, то есть промышленных предприятий нового типа, основанных на наукоемких технологиях в рамках современной «экономики знаний»¹. Данная идея сегодня — мейнстрим экономической политики, однако можно вести речь о наличии иных, в том числе ярких, цивилизационных альтернатив. Одной из таких альтернатив традиционно является левая идея, современная суть которой — в реанимации советского опыта промышленной, а также социальной и культурной политики, скорректированной, однако, в отношении демократических ценностей, прав и свобод человека².

По-своему интересной является идея консервативных авторов, представленная Центром динамического консерватизма, — о возрождении в России та-

кой традиционной для нее хозяйственно-производительной формы, как *русская артель*, и в целом *низовой кооперации*, основанной на традиционных для России принципах солидарности, черпающих свой потенциал не из индивидуалистической культуры западного типа, но из *органического видения мира*, характерного для традиционного общества. Последнее (социальный органицизм как мировоззрение и как научная методология) оказывается неожиданно востребованным сегодня — в том числе и на Западе, — в условиях новой современности (или постсовременности)³.

В целом дополнение новейших капиталистических форм модернизации («производящие индустрии») формами, генетически связанными с разного рода *коллективистскими принципами* организации труда (в рамках левой или консервативной модели), на наш взгляд, позволит преодолеть существующие недостатки капиталистической системы, сделать экономику более «социальной» и в то же время сохранить историческую преемственность. Такой подход в полной мере отвечает задачам *национально-ориентированного пути развития*, которые стоят сегодня перед обществом.

¹ Федотова В. Г., Колпаков В. А. Экономика и демократия в проектах модернизации России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 323–332.

² См., например: Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012.

³ См.: Артель и артельный человек / сост., введ. В. В. Аверьянова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014.